к «Апостолу» 1305 г., упоминает о «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище». Автора «Слова» Гаттала считает современником Игоря и несомненно светским человеком.

Текст «Слова о полку Игореве» М. Гаттала напечатал по тексту издания Дубенского, не внося каких-либо значительных поправок. Его исправления в основном касаются грамматических форм, причем сам переводчик относительно этих исправлений, стоящих в скобках, замечает, что некоторые формы памятника, отступающие от правил грамматики, характеризуют особенности языка «Слова».

Стремление повсюду правильно определить грамматические формы привело Гатталу к интересной ошибке: выражение «нъ рози нося имъ хоботы пашуть» (вместо «розьно ся имъ хоботы пашуть») Гаттала исправил в «рогы носящим» и перевел: «než těm, kteří rohy nosí, ohony orají», считая это ироническим замечанием по отношению к «тем князьям, которые только воюют».

Примечания М. Гатталы поясняют лексику и грамматические формы «Слова». Лишь изредка переводчик включает примечания исторического характера. Многие примечания взяты из Дубенского: например, «папорзи» М. Гаттала, как и Дубенский, возводит к слову «папороток» (локтевая кость крыла птицы), «тльковину» (это слово, по его мнению, женского рода) Гаттала считает за стрелу, следуя предположению Дубенского, и т. д. Некоторые места М. Гаттала перевел неправильно: слова «чили въспети было, вещей Бояне, Велесов внуче» в переводе получили противоположный смысл: «Čili si neměl zaspívati věští Bojane, Velesův vnuku», т. е. «или ты не должен был запеть, вещий Боян, внук Велеса?». М. Гаттала не понял того, что следующие фразы являются «зачином» Бояна так же, как и предыдущие, что так хорошо почувствовал И. Юнгманн за полвека до него. Слово «дорога́» в выражении «Кая раны дорога, братие» М. Гаттала прочел как «доро́га» и перевел сочетание «раны дорога» словами «dráha ran», т. е. «дорога, путь ран». Не избежал он и обычной ошибки чешских переводчиков, переведя слово «пълк» в предложении «О Бояне, соловию старого времени: абы ты сиа плъкы ущекотал...», где оно имеет значение «поход», словом «pluk» («kdy bys ty pluky tyto oslavil spěvem svým»), означающим только «полк». Правда, в других случаях М. Гаттала переводит «пълк» совершенно правильно.

Особенно следует остановиться на художественной ценности перевода М. Гатталы. В письме от 11 июля 1869 г. к П. П. Дубровскому К. Эрбен назвал переводы В. Ганки и М. Гатталы «неудобоваримыми».[39] Соглашаясь с оценкой К. Эрбена по отношению к переводу В. Ганки, мы не можем распространить ее на перевод М. Гатталы. Ему, как нам кажется, удалось создать перевод, в значительной степени передающий экспрессивность «Слова о полку Игореве».

Родственность чешского и русского языков, наличие общих черт в синтаксисе и лексике и помогает переводчику, и затрудняет его работу; поскольку толкает иногда к созданию адекватов по звучанию, ведет к приспосабливанию, прилаживанию чешского языка к русскому, как это было у В. Ганки. В переводе «Слова о полку Игореве» возникает дополнительная трудность: переводчик имеет дело здесь с древнерусским памятником, и перед ним встает задача: подыскать и включить в перевод такие средства словесного изображения, которые смогли бы воссоздать все своеобразие памятника, ни в коем случае не «осовременивая» его. М. Гаттала

[39] В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения, стр. LXIII: «... ani Hankův, ani Hattalův překlad není záživný».